

Лопин Р.А.

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия

**С.А. НИЛУС И ЕГО ДУХОВНО-ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ
ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК КРУШЕНИЯ
ПРАВОСЛАВНО-ДЕРЖАВНОЙ ТРАДИЦИИ**

Аннотация: В статье рассматривается отношение С.А. Нилуса к революции. Как духовный писатель и патриот своего Отечества он видит ее в эсхатологическом контексте. Для одних он стал творцом прозы, свойственной духовной традиции русской литературы, для других – историческим свидетельством уходящей ортодоксальной эпохи, для третьих – одиозной в политизированной окраске личностью.

Ключевые слова: патриотизм, революция, православие, вера, эсхатология, история, культура, русская литература.

**SERGEI NILUS AND HIS SPIRITUAL AND ESCHATOLOGICAL
PERCEPTION OF THE REVOLUTION AS THE COLLAPSE OF THE
STATE AND THE ORTHODOX TRADITION**

Annotation: The article discusses the attitude of S. A. Nilus to the revolution. As a spiritual writer and a patriot, he sees it in the eschatological context. For one people he became the creator of prose which was peculiar to spiritual tradition of the Russian literature. For other people he became a historical evidence of orthodoxy. For the third people he became the politized personality.

Keywords: patriotism, revolution, Christianity, faith, eschatology, history, culture, Russian literature.

Сергей Александрович Нилус (1862-1929) наравне с такими его современниками как Е.Н. Погожев, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев отразил в своем литературном творчестве ту духовную сущность православной культуры, которая питала предшествующих ему писателей, таких русских классиков как Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков. В нем он обратился к недрам церковного благочестия русского народа в то время, когда многие из образованных людей искали в культурно-историческом нигилизме как мировоззренческой позиции (в очередной раз в отечественной истории) «новый» путь развития мысли «старой» России, отдаваясь размышлениям о революционном переустройстве государства, образа жизни и религиозности общества, когда казалось не модным и не достойным образованного человека говорить вообще о каких-то традициях национальных и государственных, религиозных.

Новаторские идеи разрушения Православно-самодержавной России и устройства ее по республиканско-атеистическому принципу в начале XX столетия проникали во все слои общества. Раскол в нем в очередной раз усиливался, грозя катастрофой. Народ под влиянием «просвещения» все дальше

отходил от своего традиционного духовного жизненного уклада. С.А. Нилус своими трудами и присущей им традиционностью идеалистической мысли отечественной литературы пытался выступить защитником и проповедником религиозности русского народа, духовного начала его жизни. Любовь к нему у С.А. Нилуса переплеталась с тревогой за его судьбу.

Питая свои корни в Орловской губернии – родине И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Б.К. Зайцева, И.А. Бунина – С.А. Нилус унаследовал, как и его земляки, любовь к жизни русской глубинки, к народной духовной чистоте. По этой причине в его работах просматривается тревога, отчасти отчаяние, связанные с разрушением духовно-религиозного, коренного устоя народной жизни в предреволюционной России.

С.А. Нилус, как гражданин православного государства, видит российского императора главою высшей формы устройства человеческого общества, воплотившейся в истории, – православной монархии, дарованной самим Богом. «Благодарный Государь, Божий помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотил в своем Лице всю народную веру одномысленно с Православною Церковью...» [3, 115], – пишет он. «Да пошлет Господь Царю нашему помощь от святаго! Ему более чем кому-либо нужна эта вышняя помощь, чтобы управлять народ свой в мире, тишине и благоденствии» [4, 281].

Словно предчувствуя будущую трагедию, впоследствии реализовавшуюся, с большой любовью ко всему, что олицетворяет отчизну, говорит он и о наследнике престола – цесаревиче: «Были у литургии; ходили молиться за Наследника Всероссийского Престола, этого удивительного, по отзывам всех его знающих, Царственного ребенка. Сохрани Его, Господи, и Родителей Его во славу Твою и на благо родины!» [4, 277].

В период «худого» ореола вокруг царской семьи, тотального предательства в С.А. Нилусе можно увидеть достойного гражданина, не утратившего свою честь, духовную целостность. Его высокая религиозность, аскетическая жизнь, любовь к Родине, к человеку – тому пример, как высшее проявление христианской веры. Позже М.В. Смирнова-Орлова, дочь священника Василия (Смирнова), в доме которого нашел свое последнее пристанище С.А. Нилус, напишет о нем: «И внутренне он был колоссом духа, так твердо стоящим на камени веры, что ни гонения, ни лишения, ни злословие не могли поколебать его веру и любовь к Богу» [6, 406].

Эта любовь и величие восприятия тайны промысла и его спасительной силы для народа, горячо любимого С.А. Нилусом, легли в основу всего труда писателя. Общение со старцами, проживание в монастырях питали его душу и выливались в написание строк, и поныне имеющих ценность в понимании мировосприятия, да и самой жизни христианина. Его восторженное, по своему чистому восприятию детское описание монашеской святости и сегодня поражает своей поэтической наполненностью и используется современными авторами для составления путеводителей по православным святыням: «О, глубина старческой святыни! О, простота и глубина бездонная великих чудес твоих, смиренная, кроткая, тайнодействующая простота, не расширяющая воскресилый своих, не ищущая первоседаний и чтобы ей говорили, учителю, учителю! – но в смиренной тайне своей учительная и спасающая бесчисленные души, сумевшая обрести тебя вдали от горделиво-напыщенных и широ-

ко шумящих распутий мира, обрести и укрыться под твоей любовью и жалостью от вражды и бессердечия одевающихся в мягкие одежды сынов века сего и слугителей богов его, золотых, серебряных, медных, каменных и деревянных, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить» [4, 174].

«Монашеское житие в принципе есть житие равноангельское», – говорит С.А. Нилус [5, 189]. Многие труды его дают возможность серьезного осмысления монашеского подвига – хранителя чистоты православной веры, исстари питающего духовными силами русский народ.

Украшением произведений С.А. Нилуса является не вымысленность, а реальность персонажей и событий. В них он рассказывает о личных впечатлениях, о событиях происшедших с ним, либо передает рассказы от лиц, причастных к описываемым событиям, публикует ранние, неизвестные, им найденные в архивах материалы и документы, а так же текущие документы, связанные с теми или иными ему современными событиями.

«Вы любитель отмечать “знамения времени”», – называет его «отец архимандрит» в одной из глав его дневника (С.А. Нилус не передает его имени). Это фиксирование и освещение в предреволюционную эпоху событий как негативных, явно, с точки зрения С.А. Нилуса, разлагающих исконные духовные традиции в российском государстве и во всем мире, послужило разрыву писателя с современным ему обществом – обществом, уже отошедшим от мессианского понимания своей истории, внедрившим в свое сознание не только впоследствии сыгравшие отрицательную роль учения, но и чуждую для него культивацию культурно-мировоззренческих и духовно-религиозных исканий, в том числе таких как спиритизм, атеизм, сатанизм.

Сопоставление С.А. Нилусом всех этих фактов с эсхатологией Православной Церкви все ближе и ближе рождало в нем чувство последних времен перед воцарением антихриста. Его предчувствие кардинальных революционных перемен в обществе, опасности, грозящей его религии и народу, явились чуть ли не пророческими. Он постоянно обращается к этой теме и пытается донести свои чувства до читателя: «И решил я в сердце своем: да будет воля Божия, но то, что я считаю своим знанием, тем обязан делиться со всяким, кто пожелает от этого знания попользоваться» [4, 266], – с чувством совершенной искренности в правоте своих предположений рассуждает С.А. Нилус.

Что касается обоснованности его гипотезы «политической реальности прихода антихриста», подкрепленной полученными им документами – «протоколами сионских мудрецов», из-за публикации которых его имя стало для многих одиозным в русской литературе, – то это задача исследователей другого направления – историков, политологов и др. С точки зрения же духовно-литературного наследия С.А. Нилуса хотелось бы отметить, что эта тема была им рассмотрена в свете эсхатологических учений христианства, философских взглядов того времени, в том числе и взглядов известного русского мыслителя В.С. Соловьева.

Сам С.А. Нилус был уверен в правильности своих изысканий. Как могло быть иначе, если ему пришлось увидеть после 1917 г. рвущие душу христианина события: тотальное разрушение и осквернение святынь, убиение русского православного Царя, главы российского государства, предстоятеля за русский народ пред Богом, гонения и убиения христиан за их веру. Разве

не могла видеть в этих событиях душа христианина проявления самого дьявола, управляющего сознанием столь многих из людей, «неведующих» о своем богоборчестве. И даже тогда, когда за его книгу грозил лицу, хранящему ее, расстрел [2, 224], С.А. Нилус продолжал, находясь в скитаниях, работать, записывая «знамена времени», которые вошли во вторую часть его дневника – «На берегу Божьей реки».

Нет ничего удивительного, что в период, о котором свидетельствует письмо русских писателей из России (1927 г.), полученное «Союзом русских писателей и журналистов» в Белграде, работы С.А. Нилуса уничтожались. В письме было сказано: «Идеализм, огромное течение русской художественной литературы считается государственным преступлением. Наши классики этого направления изымаются из всех общественных библиотек. Их участь разделяют работы историков и философов, отвергавших материалистические взгляды. Набегами особых инструкторов из общих библиотек и книжных магазинов конфискуется вся дореволюционная детская литература и все произведения народного эпоса. Современные писатели, заподозренные в идеализме, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведения. Сами они, как враги и разрушители современного строя, изгоняются со всех служб и лишаются всякого заработка» [1, 184].

Сегодня современные почитатели трудов С.А. Нилуса, видя в них то ценное богатство истории Русской Православной Церкви, тот дух, который несет сердце писателя, для которого вера была самой жизнью, питают к ним особый интерес, возвращающий душу из состояния беспомыслия. И в возвращении этом наследие писателя Сергея Александровича Нилуса, ведущего душу его читателей «по пути Православия от временной в жизнь вечную» [4], по праву занимает почетное место в наследии русской религиозной мысли и отражает в себе не только трагические этапы отечественной истории, но и дает понимание всей сущности православной культуры.

Литература

1. Жевахов Н.Д. Воспоминания. В 2-х т. Т.2. – М.: «Родник», 1993. – 336 с.
2. Жевахов Н.Д. Сергей Александрович Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 211-234.
3. Нилус С.А. Великое в малом. – Новосибирск: «БЛАГОВЕСТ», 1994. – 544 с.
4. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.І. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. – 322 с.
5. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч.ІІ. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – 204 с.
6. Смирнова-Орлова М.В. Памяти Сергея Александровича и Елены Александровны Нилус // Неизвестный Нилус / сост. Р. Багдасаров, С. Фомин Т.2. – М.: Православный паломник, 1995. – С. 402-417.